

**ВЕРНЫЙ
АИСТ**

Литературно-художественное издание
для младшего школьного возраста

ВЕРНЫЙ АИСТ

Ответственный редактор **Е. М. Стрельцова**
Художественные редакторы **В. П. Дроздов** и **С. Б. Борин**
Технический редактор **Е. А. Капитонова**
Корректор **Т. Г. Янина**
ИБ 13108

Сдано в набор 06.08.90. Подписано к печати 04.02.91

Формат 70×100^{1/16}. Бумага офс. № 1.

Гарнитура литературная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 3,9. Усл. кр.-отт. 16,9. Уч.-изд. л. 3,25.

Тираж 150 000 экз. Заказ № 735. Цена 65 коп.

Ленинградское отделение
орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов
издательства «Детская литература»
Министерства печати и массовой информации РСФСР.
191187, Ленинград, наб. Кутузова, 6.
Фабрика «Детская книга» № 2
Министерства печати и массовой информации РСФСР.
193036, Ленинград, 2-я Советская, 7.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Дорогой читатель!

Рассказы этой книги
о том, как живётся рядом
с человеком разным животным.

Но речь пойдёт не о кошках
и собаках — с ними человек
давно подружился, ввёл в свой дом
и осчастливил на свой лад, —
а о тех животных, которые обычно
живут на воле, но соседствуют
с людьми. А иногда оказываются
совсем близко.

Понимает ли их человек?
Внимательный ли он сосед?

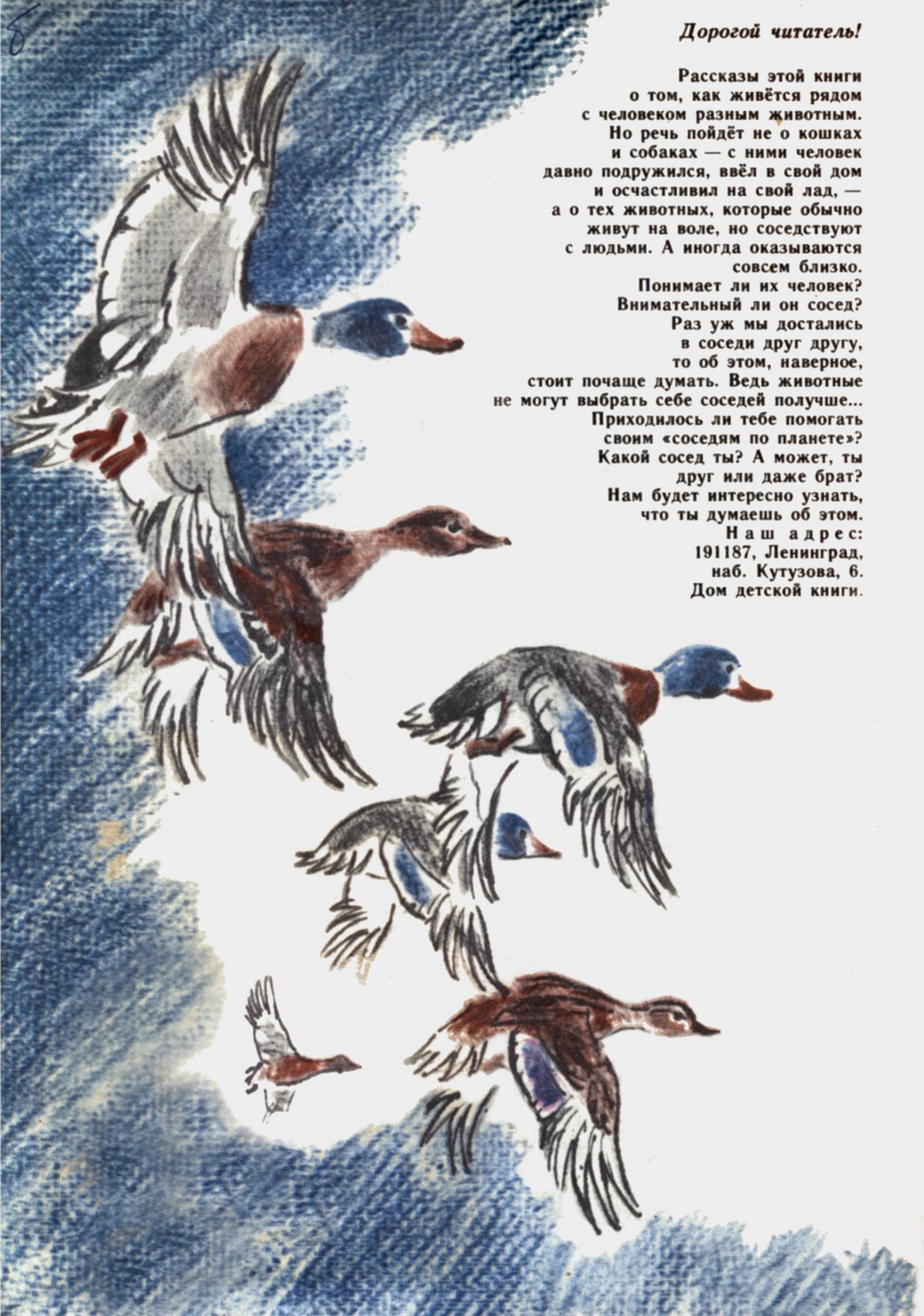
Раз уж мы достались
в соседи друг другу,
то об этом, наверное,
стоит почаще думать. Ведь животные
не могут выбрать себе соседей получше...

Приходилось ли тебе помогать
своим «соседям по планете»?

Какой сосед ты? А может, ты
друг или даже брат?

Нам будет интересно узнать,
что ты думаешь об этом.

Наш адрес:
191187, Ленинград,
наб. Кутузова, 6.
Дом детской книги.

ВЕРНЫЙ АИСТ

Рассказы о животных

*Рисунки
Владимира
Черноглазова*

Ленинград «Детская литература»
Ленинградское отделение
1991

В 4803010201—130
М101(03)—91 179—91

ISBN 5—08—000051—1

© Состав.
Издательство «Детская литература», 1991
© Черноглазов В. Иллюстрации. 1991

Ф И Т Ь К А

Я сплю. Голова моя лежит на подушке, а рука осторожно придерживает под подбородком тёплый пушистый комочек. Этот комочек живой. Когда я нечаянно во сне слишком сильно прижимаю его к себе, он начинает шевелиться и сонно бормотать: «фить... фить...».

На рассвете я уснула очень крепко и разжала ладонь. Серая кошка Кисана, спящая у меня на одеяле, настораживает уши и медленно приоткрывает большие изумрудные глаза-фонарики. Глаза щурятся, кончик хвоста подрагивает. Потом Кисана вспоминает, что за такие дела больно бьют по носу, и, чтоб не поддаться искушению, снова зажимуривается. Фонарики потухли.

А из-под моей ладони на подушку вылез крупный пушистый цыплёнок, весь разрисованный по желтовато-зеленоватому фону маскировочным узором из чёрных чёрточек и точек. На плечах — четыре ряда развёртывающихся пёрышек, чем-то напоминающих квадратики на шахматной доске. Лапки у цыплёнка толстые и тоже пушистые, словно в длинных фланелевых брючках цвета хаки: Глаза большие, чёрные — таких глаз никогда не бывает у обыкновенных цыплят.

Конечно, это не простой цыплёнок. Это Фитька, будущий глухарь. Дней пять назад я принесла его за пазухой из леса...

Сев на подушке около моей головы, Фитька деловито чистит измявшееся за ночь пёрышки-шахматы.

На стуле, придвинутом вплотную к кровати, небольшой ящик — клетка с открытой настежь дверцей. В клетке на полу насыпаны муравьиные яйца. Фитька упруго спрыгнул с подушки в клетку и с аппетитом принялся за завтрак.

Вдруг ему показалось, что он совсем один. И, должно быть, разом стало очень страшно, потому что он выскочил на порожек клетки и, широко разинув клюв, громко закричал: «пиа! Пиа!».

Я сплю. В комнате больше никого нет. Только снова зажглись два изумрудных фонарика — раскрылись кошачьи глаза.

«Пиа! Пиа!» — всё отчаяннее кричит Фитька, вытянув шею и встав на цыпочки.

Мне трудно проснуться: я ведь всю ночь спала вполглаза, боясь задавить пригревшегося у меня под подбородком Фитьку. Но я уже слышу сквозь сон этот жалобный и вместе требовательный вопль глухарёнка и, не открывая глаз, зову:

— Фитька! Ты что это, маленький? Фитька!..

Услышав мой голос, Фитька немедленно замолкает и с довольным «фить... фить...» принимается за муравьиные яйца.

Фитька был последним из глухарят, которых я воспитывала. Растить его я решила совсем иначе, чем всех своих прежних питомцев.

Все Фитькины предшественники у меня погибали. Не потому ли, что я лишала их необходимого условия существования — свободного полёта? Птица должна летать. Весь её организм приспособлен к полёту. Как только Фитька немного подрос, я предоставила ему полную свободу.

Обилие ягодных кормов тоже немаловажное условие для выживания глухарят. Я решила кормить Фитьку ягодой досыта, благо, был он у меня в этом году «единственным ребёнком», а значит, и обеспечивать его ягодой было не так уж трудно.

Ночью Фитька спал у меня под подбородком, а днём — в нагрудном кармане моей лыжной куртки. Выспится, высунет из кармана пушистую головку и скажет: «фить!» Это значит: «Выпусти меня, я гулять хочу!» А нагуляется и сам бежит ко мне в ладонь греть озябшие лапки.

Если мне почему-то некогда было сразу взять его к себе, он вспархивал на мою кровать и устраивался там на меховой шкурке, возле тёплого бока Кисаны.

«Фить... фить, — сонно твердил Фитька, поудобнее обминая местечко на шкурке. — Фить...»

Кисана откроет глаза-фонарики, глянет, а я строго:

— Кисана!

Сошурится. Только кончик хвоста шевелится, как у тигра, притаившегося в джунглях.

А Фитька возьми и вскочи к этому «тигру» на спину! Мягко, тепло.

Кисана подумала, подумала, спрятала когти и замурлыкала ласковую песню. Лень уходить со шкурки. Раз уж нельзя съесть, пусть себе сидит...

Подрос Фитька.

Теперь уж всем видно, что это не обычный цыплёнок. Высокий, голенастый, с толстыми, как у страуса, пятками, и борода растёт, растрёпанная, словно у старика. Целые дни Фитька гуляет во дворе метеорологической станции, охотится в зарослях крапивы на разных букашек, купается в тёплой сухой земле с краю морковной грядки, а время от времени прибегает в комнаты с воплем: «пиа! Пиа!».

Двор большой, зарос наполовину всяким таёжным бурьяном, Фитьку в нём и не видно. Кто его знает, где он там бродит

в этих таёжных джунглях. Да Фитька к тому же так раскрасшен, что можно и за два шага от него пройти, не увидев. Но стоит только мне показаться на крыльце и крикнуть: «Фитька!» — где-то в зарослях бурьяна тихонько в ответ: «фить... фить...».

И вот зашевелился куст цветущего морковника, вылез из бурьянных джунглей на тропинку мой Фитька: «Здравствуйте, вот он я, никуда не девался. Зачем звала?»

Скучно было Фитьке одному, и он всё приставал к моим ребяташкам — Итке и Люсе. Ребята играют в песке на солнце — и Фитька тут же. Устроится рядышком, протянет крыло и лапу — и принимает солнечную ванну. Станут лепить на крылечке из глины зверят — прибежит Фитька. Лезет прямо в ладони, отнимает намятые кусочки глины; раз съел глиняного зайца у Люси. Пошли ребята в лес — и Фитька за ними. Летит с криком вдогонку.

Вечерами никак не хотел садиться один на насест, кричал, волновался. Должно быть, для полного счастья необходимо ему было, чтоб и ребята садились на ночь с ним на насест поптичь.

К осени вырос мой лесной цыплёнок в великолепную могучую птицу глухаря. Оперение бурое с пепельно-серым, отликает на груди зелёным. На плечах два ярко-белых пятнышка. Хвост роскошный, веером, чёрный, в мраморно-белых разводах. А над сверкающими глазами пылают широкие алые брови.

Что значит свобода и хороший корм! Обогнал Фитька в своём развитии не только всех моих прежних питомцев, но и диких глухарей, своих сверстников.

Лето в тот год было отличное, ягод уродилось много. Съедал у меня Фитька по целой дол-литровой баночке черники, по три-четыре горсти отборных муравьиных яиц сразу. Ну, да и за нашим обедом ему всегда кое-что перепало. Во время своих прогулок в лесу Фитька тоже много находил для себя вкусного.

Вот и рос он, как на опаре, и вымахал с доброго гуся. Сядет вечером подремать на письменный стол — и займёт его чуть не весь целиком. Никто бы не подумал, увидев Фитьку, что это выращенная в неволе птица. Перо у Фитьки было гладкое, блестящее, взгляд живой, движения упругие, стремительные. Могучие Фитькины крылья легко носили его всюду, куда ему хотелось. Нередко теперь я слышала:

— А мы вашего глухаря утром под «Митрой»* видели.

— А мы вашего глухаря сегодня хлебом на стоянке под «Первым»* кормили.

— А ваш Фитька на черничнике у «Беркутов»* пасётся.

А Фитька тем временем уже на подоконнике распахнутого окна. Сидит и чистится — прилетел домой!

Совсем ручным вырос Фитька. Но всё-таки из всех окружающих его людей он по-настоящему признавал только меня и немножко Люсю, мою дочку. С Люсей они часто дружной парочкой прибегали со двора к обеду. Итку, который его дразнил, Фитька как-то загнал в сарай и держал там в осаде, пока я не пришла на выручку.

Был Фитька бесстрашен и очень любопытен. Однажды к нам во двор ввели два мотоцикла. Фитька сейчас же «вышел из дому». Он смело вертелся под самой грудью механических чудовищ и даже, привстав на цыпочки, клюнул один мотоцикл в блестящий глаз — фару.

Как-то раз к нам во двор забежала чужая собака. Я вышла поскорее прогнать её, боясь, что она задавит Фитьку. Но Фитька, выскочивший вслед за мной на крыльцо, накинулся на неё и так сильно ударил своим крепким клювом в глаз, что собака с воем ринулась прочь.

* «Митра», «Первый», «Беркуты» — названия скал в красноярском заповеднике «Столбы».

У знакомых он всегда проверял рюкзаки и требовал своей доли угощения.

Ко мне Фитька был очень привязан. Когда я уезжала на несколько дней в город, он явно скучал. Домашние жаловались мне потом, что с Фитькой без меня «просто сладу нет». Капризничает, злится, раскидывает корм, надолго исчезает из дому, вечером не хочет садиться на насест...

Фитька утром всегда «досыпал» у меня в ногах на постели. Проснувшись, я видела по одну сторону ног мою рыжую собачонку Ю, а по другую — точно в такой же позе — Фитьку.

Когда я вставала с постели, он выражал свою радость бурными прыжками по комнате. Грива поднята, хвост раскрыт веером. Прыжок влево, вправо, громкий удар крыльями — так играют молодые глухари между собой где-нибудь на лесной полянке погожим осенним утром.

На столике у меня были установлены циферблатные весы с платформой. На таких весах взвешивают продукты в гастрономах. Фитька привык, что я всегда даю ему на этих весах какое-нибудь лакомство, и сам поутру заскакивал на платформу взвешиваться.

С Фитькиной помощью я надеялась подытожить мою многолетнюю работу по изучению развития глухариного молодняка.

Однажды мне сообщили, что в Красноярск приехала киноэкспедиция снимать цветной фильм на «Столбах». Главный режиссёр, узнав о ручном глухаре, рассчитывал использовать моего Фитьку для съёмки.

Очень мне захотелось увидеть Фитьку на экране!

...Гаснет свет. Сотни глаз устремлены на освещённый экран, на котором проходят знакомые картины сибирской тайги.

Уголок соснового бора. Золотятся на солнце стволы сосен. Ярко рдеют среди зелени осенние рябинки. На поваленном дереве, подставив солнцу отливающую изумрудом грудь, сидит огромный глухарь. Спокойно охорашивается, расправляет могучие крылья. Сверкают глаза. Горячим пламенем вспыхивает в солнечном луче алая бровь. Он здесь, близко. Он снят самым крупным планом. Можно различить каждое пёрышко в его оперении.

Десятки тысяч людей нашей страны увидят его таким: во всём великолепии его дикой и гордой красоты.

И много-много лет пройдёт, а мой Фитька всё будет жить на освещённом экране...

Так я мечтала.

Но съёмка не состоялась. За день до приезда кинооператоров на «Столбы» Фитька исчез.

Я думала, что глухарь просто отбился от дома — зажил свободной жизнью своих диких родичей.

Большая это была для меня неудача. Осталась неоконченной интересная работа...

Только через год я случайно узнала, каков был на самом деле конец моего Фитьки.

Тысячи туристов из всех городов Союза посещают заповедник «Столбы». Это наши лучшие друзья. Многие из них лично знали моего Фитьку, кормили хлебом, оберегали от всяких бед, переживали вместе со мною все неудачи и успехи моей работы по его воспитанию. Но нашлось трое или четверо хулиганов, которые не понимали, какую ценность представляет эта птица; для которых мой ручной глухарь был только куском мяса, и ничем больше.

Фитьку поймали, убили и съели.

...Вот уже несколько лет прошло, а всё ещё больно и горько вспомнить.

ЛОСЬ

В шхерах ни ветерка. Оловянная вода застыла. Изредка гулко плеснёт шука, медленно разойдутся круги, тускло блеснёт под сереньким небом пологая волна.

Десятки островов разбросаны в шхерах; продолговатые, лесистые, безлесые. Некоторые совсем голые, как горбушка хлеба, — сплошной гранит. Не острова, а громадные валуны в десятки, а то и сотни метров в поперечнике.

Митька и Гоша сидели у костра, ждали, когда поспеет уха.

Митька местный. Он всего года на два старше Гоши, ему лет тринадцать, но Гоше он кажется совсем взрослым.

Гоша считает, что нет такого на свете, чего бы не умел Митька. Руки у Митьки загрубелые, мозолистые; за что бы он ни взялся — за топор ли, за вёсла ли — всё становится лёгким и послушным.

А у Гоши нервная мама. Если Гоша опаздывает домой, она плачет и заламывает руки. И Гоше становится стыдно.

Когда Гоша попросил Митьку съездить на остров Игривый, Митька только буркнул:

— Не съездить, а сходить. По воде ходят.

В огороде он накопал червей, бросил в лодку удочки и два драмых ватника — себе и Гоше. И они поплыли.

Митька и не подумал спрашивать у отца разрешения. Просто оттолкнул лодку и взялся за вёсла.

Хорошо, что Гошина мама была в огороде, а то бы они никуда не поплыли.

Гоша представил себе, как мама стала бы плакать, прижимать его к груди — и ему пришлось бы остаться.

И всё на глазах у Митьки.

* * *

Хорошо быть самостоятельным! Просто двое мужчин собрались на рыбалку. Сели в лодку и поплыли. И ничего тут нет особенного.

На корме под скамейкой стоял закопчённый котелок. В нём в бумажных пакетиках соль, перец и лавровый лист. И две деревянные ложки.

— Уху станем варить, — сказал Митька, и у Гоши сладко ёкнуло сердце. Варить уху на необитаемом острове! Он хотел улыбнуться, но сдержался. Нахмурил брови и кивнул головой. Понятное дело — уху, подумаешь!

Отец у Митьки егерь. Он охраняет зверей, чтобы их не обижали. Отец высокий, бородатый. И всё время молчит. Только улыбается. Тогда его маленькие медвежьи глаза становятся такими же, как у Митьки, — добрыми.

Остров был круглый. Будто специально сделанный — круглый-круглый.

Ялик вытащили на пологий гранитный натёк, привязали к берёзе.

Рыба клевала как сумасшедшая. Сначала Гоша боялся толстых извилистых червей. Он брезгливо брал их из консервной банки, черви крутились и никак не хотели насаживаться на крючок.

— Хорош червь. Злой, — говорил Митька и смачно плевал на червяка.

Но когда Гоша вытащил первого окуня — полосатого, упругого, с красными плавниками и нахальной пастью, — черви перестали его заботить.

Он лихо насаживал их, забрасывал удочку. Тотчас поплавок вздрагивал и косо уходил вниз. Леска натягивалась, со звоном резала воду — жжик! жжик! С чмоканьем вылетал очередной окунь, шлёпался на камни, бился там, колотил хвостом.

Гоша с хищным выражением лица хватал его, вытаскивал глубоко заглотанный крючок и сажал на кукан. Окунь сос-

кальзывал по шпагату к другим своим собратьям по несчастью, плескался, негодовал, потом успокаивался.

Изредка попадались серебристая плотва и маленькие жёлтые ерши — колющие большеголовые уродцы.

Митька складывал их отдельно.

— Сгодится по первому разу. Навар будет, — таинственно говорил он.

Сквозь прозрачные тучи проглядывало солнце. Оно медленно скатывалось к горизонту.

Гошу колотило от азарта, он нервничал, если леска запутывалась, топал нетерпеливо ногой. Митька поглядывал на него и усмехался.

— Заводной ты парень, горячий, — говорил он.

Гоша готов был удить хоть всю ночь, но Митька смотал свою удочку и сказал:

— Хватит. Нам больше не съесть.

— Ну, ещё немножечко, Митька! Ещё парочку! — взмолился Гоша.

Но непреклонный Митька отобрал у него удочку и сказал:

— Нечего рыбу портить. Пусть живёт. Нам больше не надо.

Они стали потрошить рыбу. Вернее, потрошил Митька. Он ловко вспарывал окуням животы, чистил их, промывал в воде. Гоша тоже попробовал, но тут же уколол палец об острый плавник, отбросил рыбу и сунул палец в рот.

— Иди-ка лучше костёр запали, — сказал Митька и отобрал у него нож. — Только раскладывай на камне, а то лес займётся. Здесь сухо.

Гоша натаскал хворосту и зажёг костёр с одной спички. Это он умел. В пионерлагере он был костровым. Гоша исподтишка взглянул на Митьку и заметил, как тот одобительно улыбнулся.

Гошу обдала горячая волна радости: впервые Митька так ему улыбнулся.

Он принёс воды, приладил палку на двух рогульках, подвесил котелок и уставился на огонь.

Это так здорово — глядеть на огонь! Острые язычки пламени лижут ветки, будто маленькие пасти, ненасытные и жаркие, хватают, хватают... Глядишь, и ветка налилась малиновым жаром, потом по ней пробегают синие огоньки — и она рассыпается тугим пеплом.

Дома, в городе, у Гоши паровое отопление. Он завидует тем, у кого печки. И всегда удивляется, что люди мечтают сломать их и поставить пыльные чугунные батареи.

Вода вскипела. Митька бросил в котелок ершей и плотву. Глаза у рыб сразу побелели, стали костяными. Митька подождал немного, потом ложкой выбросил рыбёшек из котла прямо на траву.

— Зачем ты их выкинул? — удивился Гоша.

— Затем, что это называется двойная уха. Сейчас мы туда окуней положим.

Он деловито, как опытная хозяйка, клал соль, подсыпал перец. Изредка черпал ложкой прозрачную жидкость, оже-сточённо дул на неё, пробовал и причмокивал от удовольствия.

— Во, какая уха! — он поднимал большой палец. — С дымком! Ты небось такую не едал.

— Не едал, — отвечал Гоша и глотал слюнки: уж очень Митька всё это аппетитно делал.

Вот это жизнь! Сидеть у костра, обжигаясь, глотать душистую уху и глядеть на тяжёлую стылую воду! А вокруг никого. И никто не делает замечаний, когда отщипываешь хлеб руками, и никто не велит сидеть прямо. Хоть лёжа ешь. Только лёжа неудобно.

Гоша расправил узкие плечи и почувствовал себя очень сильным. Выйди сейчас из лесу медведь, Гоша не испугался бы. Он бы поступил, как Митька.

— Митя, а медведи тут есть?

— Угу. Говорят, есть. Я сам не видел, но батя говорит — есть.

— А что мы будем делать, если сейчас медведь выйдет?

— Как «что»? — удивился Митька. — Удерём!

— Удерём! — весело согласился Гоша.

Необитаемый остров, уха, медведи! С ума сойти можно! Расскажи Гоша такое в школе — никто не поверит. Ну и пусть не верят.

— Хорошо тебе живётся, Митька, — вздохнул он.

— Угу, — согласился Митька.

Уху выхлебали до дна. Окуней обсосали до косточек. Костёр догорал.

Митька вынул из воды кулан с оставшейся рыбой, бросил её в лодку.

— Ну, что, поплыли?

— Погоди немножко, — попросил Гоша.

Он прилёг на густой упругий мох и глядел в небо. Уезжать не хотелось.

Вдруг Митька прислушался.

— Моторка идёт, — сказал он.

Гоша услышал далёкое стрекотание и привстал. Моторка приближалась.

Мальчишки взобрались на высокий валун, огляделись.

Недалеко, метрах в пятидесяти от соседнего маленького островка, они увидели на воде что-то тёмное. Но это была не лодка. По проливу кто-то плыл.

— Лось плывёт, гляди! — крикнул Митька.

Гоша вгляделся и ясно увидел широкие плоские рога и длинную морду, торчавшие из воды.

И тут-то из-за мыса выскочила моторка. Дальше события разворачивались стремительно и непонятно.

В лодке были двое. Они тоже заметили лося; моторка круто повернула и направилась к нему. Быстро догнала лося. Мальчишки увидели, как человек на носу взмахнул причальной цепью и ударил лося по голове.

Голова скрылась под водой и тут же показалась снова. Опять человек махнул цепью, и лось ушёл под воду.

— Что же они делают, Митька? — прошептал Гоша.

— Утопят сохатого, утопят ведь, гады! — бормотал Митька и пританцовывал на месте.

Лось вынырнул. Плыл он медленно, тяжело. Двое в лодке посовещались, и сидящий на носу петлёй набросил цепь на рога. Цепь соскользнула. Тогда человек поднял что-то со дна — верёвку или проволоку, — обмотал цепь вокруг рогов и привязал её.

Цепь натянулась и потащила лося к берегу.

— Бежим к лодке! — крикнул Митька и стал спускаться с валуна.

Но тут произошло такое, чего ни Гоша, ни Митька никак не ожидали.

Лось вдруг выпрыгнул из воды. Видно, он достал ногами дно. Он рванул лодку, подпрыгнул, лодка перевернулась, и двое очутились в воде.

А лось нёсся вперёд. Подвесной мотор обломил кормовую доску и утонул. Лодка выскочила на камни и с грохотом волочилась на боку за лосем. Он тащил её всё дальше, и лодка стала разваливаться на глазах.

От бортов отлетали крупные щепки, потом отвалились две доски.

А сохатый легко, казалось, без всяких усилий, продолжал волочить её по камням.

Наконец измочаленную, разбитую лодку заклинило между двух валунов.

Лось напрягся, рванулся и вырвал цепь вместе с кольцом.

Он оглянулся, гневно, торжествующе протрубил и в два прыжка скрылся в густом сосняке. Цепь свисала с его рогов до земли.

Только тогда мальчики опомнились. Они переглянулись и расхохотались.

Всё произошло мгновенно. Двое ещё барахтались в воде. Потом они выбрались, спотыкаясь о валуны, на берег и уставились друг на друга.

С них ручьём стекала вода, кепки обвисли. Они постояли немного, потом стали подпрыгивать, чтобы согреться.

Митька неторопливо слез с камня, направился к лодке. Гоша шёл рядом.

Когда двое увидели лодку, они радостно завопили, замахали руками. Один даже вошёл по колено в воду.

Митька медленно грёб. Потом остановился метрах в двадцати от берега.

— Ну, что ж вы, ребята? Гребите сюда! Хо-олодно! — клая зубами, закричал тот, что стоял в воде.

Митька молча и пристально разглядывал двух мокрых людей.

— Возьмём их, Митька, замёрзнут ведь, простудятся, — сказал Гоша.

— Ещё чего. Пусть замёрзнут. Запомнят лучше, — сквозь зубы ответил Митька.

Он развернул лодку и погрёб прочь.

С острова раздался отчаянный вопль. Митька оглянулся и крикнул:

— Эй, браконьеры! Вы тут попрыгайте! Или искупайтесь ещё. А я за вами батьку пришлю. Расскажите ему, как сохатого чуть не утопили.

И он налёг на вёсла. А Гоша притих и глядел на голосащих браконьеров.

Он вдруг почувствовал себя совсем маленьким рядом с решительным и непреклонным Митькой.

Потом Гоша вспомнил беспомощного лося, которого били цепью по голове, и отвернулся от тех двоих.

Совсем ещё детское пухлощёкое лицо неожиданно стало суровым и жёстким.

ВЕРНЫЙ АИСТ

Большого хозяйства у бабы Веры никогда не было, а как сын в город уехал, так и вовсе пустяки остались: три курицы с петухом Председателем, овца с двумя ягнятами да кот Филин с рваным ухом.

На лето сын с невесткой привозили к бабе Вере внука. В день приезда баба Вера повязывала седую голову чёрным платком с красными цветами и выходила на улицу — встречать гостей.

...В ту весну тёплые дожди согнали сугробы раньше обыкновенного. Последние снежные холмики держались в лесу только под широкими лапами старых елей. А едва апрель перевалил за середину, стали наперегонки лопаться почки, и берёза у бабы Вериного двора покрылась первой нежной зеленью.

Аистов баба Вера увидела, когда вышла к колодцу. Сделав круг над её домом, две большие птицы плавно опустились на крышу. Они переступали осторожно своими красными длинными ногами, словно пробовали крышу — крепка ли, выдержит ли?

Баба Вера стояла и смотрела на них, позабыв куда и шла. Сколько лет уже аисты не появлялись в деревне! А ведь говорили раньше: где аист, там и счастье в доме...

Аисты защёлкали крепкими длинными клювами, застрекотали, будто договаривались о чём-то, и слетели с крыши на просторный луг. Важные, длинноногие, они долго расхажива-

ли среди молодой травы, а баба Вера не могла на них наглядеться.

Теперь они почти каждый день прилетали к бабе Вере на луг. Подходили совсем близко — видно, раньше люди не обижали их.

А жизнь по-весеннему кипела вокруг дома. Под крышей сарая быстрые ласточки лепили своё гнездо, мелькали неутомимо с утра до вечера. В свежей зелени берёз скворцы-пересмешники распевали вперемежку свои и чужие песни. Иногда с верхушек молодых деревьев слышалось даже хрипкое мяуканье, и тогда кот Филин дёргал драным ухом и подолгу высматривал в вышине скворцов своими жёлтыми (и правда, как у филина!) глазами. Однако добраться до нахальных птиц было непросто, и, насмотревшись на них вдоволь, уходил кот ловить мышей. С мышами было проще — мяукать они не умели и по берёзам не лазали.

Ещё веселей стало у дома бабы Веры после майских праздников, когда большая старая яблоня вся покрылась нежным бело-розовым цветом. Вот тут-то в самый разгар всеобщих весенних хлопот и приехала к бабе Вере невестка с шестилетним внуком Тимошей. Приехала, чтобы оставить Тимошу у бабушки на всё лето. Теперь всё они делали вместе.

Баба Вера радовалась, глядя на подросшего за год внука. На ближних солнечных опушках собирали они землянику; когда подошло время, уходили дальше в лес к богатым черничникам.

От жары и усталости у бабы Веры кружилась по вечерам голова, но нетерпеливый Тимоша с его бесконечными «что? где? как? да почему?» не давал ей покоя.

Иной раз, когда Тимоша совсем уж донимал её вопросами, баба Вера отмахивалась было, но тут же, спохватившись, снова пускалась неторопливо рассказывать и объяснять. В это лето городской мальчик будто заново увидел знакомую деревню. Удивил его и наполненный шумной живностью бабушкин двор, и лес, пропахший земляникой, звенящий птичьими разговорами, а главное — аисты. Белые с чёрными перьями по плечам, они словно напоказ разгуливали у самого дома! Иногда птицы замирали ненадолго и внимательно следили, как возятся на дворе у грядок бабушка и внук.

Но случались и огорчения.

Как-то дождливым утром Тимоша долго лежал под одеялом, глядя в окно. За окном по блестящей от воды листве ше-

лестел мелкий дождь, у сарая под навесом вылизывал мокрые лапы Филин. Промокший кот так смешно дёргал усами, отряхиваясь, что Тимоше вдруг расхотелось лежать. Он засмеялся и вышел на крыльцо.

Но что такое? Ещё вчера перед домом пошевеливалась на ветерке высокая трава, и от белых глазастых ромашек луг был нарядный, как праздничная скатерть у бабы Веры. А сегодня выкошенный наголо луг был пуст.

— Кто это испортил? — Тимошина губа обиженно оттопырилась.

— Что за горюшко? — сказала баба Вера, искоса поглядывая на внука. — И что ж это ты, милый мой, разобиделся? Или думаешь, кто-то нашу красу со злости погубил? А про молоко ты не забыл? Этот лужок соседи каждый год для своей

коровы выкашивают. Вот как будешь утром молочко пить, так и вспомни — вот тебе и ромашки, вот тебе и васильки.

Ближе к вечеру дождь перестал. На мокрый луг опустились аисты.

— Ишь обрадовались, — сказала Тимоше бабушка.

Аисты деловито расхаживали и выхватывали что-то клювами из коротенькой травы.

— Ах, хитрецы! — сказала баба Вера Тимоше. — Гляди-ка, на кошеном-то лугу они кого хочешь в два счёта поймают.

Тяжёлый грузовик, появившийся на пыльном просёлке, внезапно свернул на луг и помчался прямо на аистов. В кузове, держась за борта, пригнувшись, раскачивались несколько парней.

— Влёт его! Влёт давай! — галдели они.

Забеспокоившись, аисты снялись с места. Они уже поднимались над лугом, когда один из парней вскинул ружьё, и два выстрела раскатились над деревней. Одна птица, раскинув белые с чёрным крылья, рухнула на землю и осталась лежать, другая с бессильно повисшим крылом кинулась к ивняку на краю луга.

Тимоша никак не мог понять, что происходит, не верил своим глазам.

Грузовик уже скрылся за поворотом, когда баба Вера опомнилась. Крепко сжав Тимошину руку, она побежала через луг, потянув мальчика за собой.

— Только бы живой! — приговаривала она, задыхаясь. — Видел, Тимошенька? Второй, кажется, живой!

Раненый аист затих, запутавшись в кустах. Но едва удалось извлечь его оттуда, он забился так, что бабушка с Тимошей еле донесли его до избы. И пока баба Вера вынимала иголкой застрявшие в крыле дробины, на руках её осталось немало отметин от длинного красного клюва. В сарайчике, где для раненой птицы наскоро расчистили закуток, аист успокоился мало-помалу, и только если Тимоша подходил слишком близко, он забивался в угол и угрожающе вытягивал клюв.

Забот у Тимоши теперь прибавилось. С утра он уходил ловить лягушек для Айка — так они с бабой Верой называли аиста. Лягушек он выпускал в ведро с водой, стоявшее рядом с Айком, и тут же убегал копать червей.

Из своего угла аист внимательно следил за мальчиком, но к пище не притрагивался. И хоть люди старались не тревожить аиста — в сарай попусту не заглядывали — только на третьи сутки Аик начал есть.

Через неделю баба Вера осмотрела его крыло. Рана затянулась. Баба Вера вышла из сарая и оставила дверь открытой. Вдвоём с Тимошей они сели на крыльцо и стали ждать. Скоро Аик показался на пороге. Аист оглядел двор и, косясь на сидящих неподвижно бабушку и внука, сделал несколько шагов. Он вышел на середину просторного двора, разбежался и взлетел. Широкими крыльями Аик взмахивал ровно, сильно.

— Вот и ладно, вот и хорошо, — сказала баба Вера с облегчением. — Совсем зажило. Вон как круто забирает!

— Бабушка, а он к нам прилетать будет? Он же один остался.

— Будет, Тимоша, будет... Мы ведь друзья теперь ему.

— Ага, ага! — запрыгал мальчик вокруг бабушки. — И он к нам новую жену знакомиться приведёт, да?

Баба Вера положила ладонь на пушистую макушку Тимоши.

— Уж и не знаю, внучек, как это у аистов бывает, не знаю...

Баба Вера вздохнула и пошла в дом.

Как и прежде, Айк каждый день прилетал на луг возле дома. Теперь он старался держаться подальше от дороги и частенько подходил совсем близко к сараю.

Боясь спугнуть птицу, Тимоша замирал и любовался аистом.

— Оставайся с нами! — шептал Тимоша. — Ну оставайся же. Разве хорошо тебе одному?

Айк будто слышал мальчика. Он отрывался от дела, застыл среди луговой травы и смотрел на Тимошу внимательно. Но каждый вечер улетал к своему гнезду.

Иногда Тимоша доставал привезённую из города любимую книжку, молча подсаживался к бабушке. Они устраивались на крыльце, и баба Вера, не торопясь, читала внуку про удивительные приключения заколдованного мальчика Нильса, который отправился в путешествие с дикими гусями.

С тех пор как произошли грустные события и Айк остался один, баба Вера заменила в сказке стаю гусей на аистов, а Нильса стала называть Тимошей. Иногда она даже придумывала новые приключения, и казалось, книжке не будет конца, что очень радовало Тимошу.

В конце августа приехал Тимошин отец, сын бабы Веры — высокий, немного сутулый, по-городскому бледный. Он за неделю наготовил на зиму дров для матери и привёз с дальних покосов два воза сена. Переделав дела, как-то вечером отец сказал Тимоше:

— Ну, что, сынок, кончилось твоё лето, в школу пора. В первый класс. Собирайся, едем...

С утра Тимоша и бабушка, она в чёрном платке, он — в отглаженной, нарядной рубашке, обошли, вздыхая, все знакомые места в деревне, помахали длинноногому Айку, который привычно неторопливо вышагивал по лугу, заглянули на прощанье в лес.

С отъездом внука сиротливо стало в доме бабы Веры. Одно только её выручало — целыми днями хлопотала она по хозяйству.

Иногда баба Вера ходила в лес по грибы, вспоминала, как они с внуком собирали здесь первые ягоды. Шла по лесу и в который раз удивлялась: ну до чего же хорошо! В грустной осенней красе стоит увядающий лес. Оголились уже верхушки берёз и дубов. Как языки костра, вспыхивают среди них осины и рябины. Только зелёные лапы молодых ёлочек напоминают об ушедшем лете.

Тихо осенью в лесу. Не слышно птичьего гомона, разве затараторит сорока. Шуршит под ногами листва. Нет-нет да и покажется меж пожухлых листьев красная шляпка подосиновика или поздняя коричневая сыроежка. Только эти радости и скрашивали одиночество бабы Веры.

Предвещая раннюю зиму, высоко в небе прощально кричали косяки отлетающих гусей и журавлей. Как в пословице говорится: гуси летят — зимушку на хвосте тащат.

В один из таких тихих дней бабьего лета баба Вера у крыльца перебирала выкопанный лук.

Аист появился неожиданно. Он подошёл к самому дому, постоял, потом расправил крылья, разбежался и взмыл в небо.

«Прощаться приходил», — от догадки этой у бабы Веры защемило сердце. Она поднялась на крыльцо и помахала вслед ему рукой: «Прощай, Айк, прилетай снова!»

Прошла зима.

И вот уже опять задули южные ветра. В ожидании Айка баба Вера нет-нет да и поглядывала в небо и на луг возле дома. Минул март, но аист не возвращался. «Не пропал ли в дороге? Не близкий свет лететь», — с тревогой думала баба Вера.

Наконец в середине апреля появился Аик. Один, без новой подруги. Соседка, увидав его в одиночестве на лугу, покачала головой и в раздумье сказала бабе Вере:

— Артемьевна, насельник-то твой один всё обретаётся. Видать, однолюб.

Баба Вера пошла в деревню и попросила у бригадира старое завалящее колесо от телеги.

— Да на что тебе, Артемьевна?

— Уважь, надо.

Подговорила баба Вера соседских ребят спилить самую верхушку старой берёзы, укрепить там колесо и оплести его ветками.

Дня через два она услышала над домом знакомое аистинное стрекотание. Покружившись над домом, Аик опустился на колесо.

Новое гнездо пришлось Айку по вкусу. Так всю весну и ждали они Тимошу вместе. Аик и баба Вера.

Май в этом году выдался холодный, впрямь по пословице: май — коню сена дай, а сам на печку полезай.

С приездом Тимоши в доме стало веселей. В хлопотах и разговорах день проходил незаметно — мало ли дел в деревне летом? Только частенько Тимоша оставлял все дела и подолгу смотрел на высокое аистинное гнездо.

Дело в том, что баба Вера как-то рассказала Тимоше, будто аисты приносят людям младенцев и оставляют их на капустной грядке.

— Что ты, бабушка, — не поверил внук, — какие в городе грядки? Меня так мама выродила, я точно знаю.

Но потом засомневался: «А может, в деревне не как в городе? Может и впрямь здесь детей аисты приносят?»

Однако от бабы Веры Тимоша больше ничего добиться не смог, от всех дальнейших расспросов она уклонялась.

Однажды Тимоша заметил, что Аик с гнезда на берёзе не слетал целый день. На другой день тоже.

«Может, у него там младенец?» — подумал Тимоша.

— Уж не приболел ли? — забеспокоилась баба Вера.

Тимоша наловил лягушек, сунул их за пазуху и, стойко перенося щекотку и холодные лягушачьи лапки, полез на берёзу. Устроившись возле гнезда, Тимоша осторожно протянул птице руку с лягушками.

Грозный аистиный клюв приблизился к руке, и Тимоша зажмурился. Но угощение было принято, всё обошлось хорошо. В гнезде Айк был один.

Вечером перед сном Тимоша снова, в который уж раз, слушал неспешный рассказ бабы Веры про путешествие мальчика с аистиной стаей.

Каждую новую весну появлялся Айк в этих краях и неизменно селился на старой берёзе возле дома бабы Веры.

Соседки, заходя по вечерам к бабе Вере на чаёк, любовались горделивой птицей, одиноко бродившей по огороду, не опасаясь людей. Любовались и удивлялись: так и не привёл новую аистиху, так и живёт в гнезде один, верный аист...

К Л Я К С А

Пообещав дочери подарить белку, Лена сказала:

— Хорошо окончишь пятый класс, куплю.

Дочь хорошо окончила год и уехала в лагерь. Лена решила завести белку. Она прикинула, куда поставить клетку — на шкаф. Лена во всём любила точность и порядок. Белка была некоторым нарушением этого порядка, но, представив себе рыжего, весёлого зверька, Лена улыбнулась. Кроме того, надо было сдержать обещание. В последнем письме из лагеря дочь напоминала о нём.

Был выходной день, срочных дел не было. Лена сходила на рынок, купила полкило орехов фундук (для первого раза достаточно, потом придётся сделать запасы) и поехала в зоомагазин.

В магазине пели птицы. Это было очень приятно. Дятел долбил полено, казалось, что его развёрнутый хвост прилип к дереву, так крепко дятел им упирался. Лене понравилась птица своей уверенностью и точностью движений. Потом она увидела то, что искала. Белки скакали в ветвях серой ёлки. Хвоя сыпалась от их прыжков. Не останавливаясь, крутилось колесо. Одна белка сменяла другую, торопились, бежали на месте. Лена стояла, размышляя, что заставляет белок совершать эту бессмысленную работу. Она так и не могла это понять сразу, поэтому рассердилась на себя и немного на белок. Но тут она заметила одну очень спокойную белку. Пока

другие крутили колесо, эта доставала из кормушки орехи и, оглянувшись, не видит ли кто, прятала добычу в ямку. К тому же эта белка была самой пушистой. Лена решила, что купит именно её, как только приобретёт клетку.

В очереди за клетками говорили о животных. Один мужчина рассказывал, как лечил змею. У бедняги болела пасть, и приходилось делать ей чайные примочки. Теперь воспаление прошло, и кобра опять весёлая. Лена слушала рассказы о черепахах, которые нежно любят своих хозяев, о птицах, говорящих по-человечески, о попугаях-неразлучниках, умирающих от тоски, и скоро её стала мучить совесть за всех съеденных рыб, которые, оказывается, могут переговариваться между собой, ухаживают за своими детьми и скучают в одиночестве.

Эти разговоры в очереди за клетками вносили в отношение Лены к жизни какой-то разлад, какое-то беспокойство, а в таких случаях она предпочитала действовать. Ей захотелось выпустить на волю всех птиц, сидящих в клетках.

Лена решительно подошла к мужичку, продававшему какую-то пёструю птичку.

— Это кто?

— Щегол.

Лена заплатила деньги и спросила торопливо:

— Где её лучше выпустить, в парке?

— Возьмите-ка обратно ваши деньги, — рассердился мужичок, — берите, берите, барышня!

И он сунул деньги в карман Лениного плаща, забрал клеточку со щеглом, потом сжалился и объяснил, что птица привыкла к уходу и на воле погибнет, что если уж барышня не любительница и в птицах ничего не понимает, то лучше на эти деньги купить модные чулки в дырочках.

Хорошо, что тут подошла очередь за клеткой. Клетки были разборные, и когда в руках у Лены оказался увесистый пакет, она попросила продавца поймать белку. Белки оказались рекламными и не продавались. Продавались хомячки и крысы. Толстые, косолапенькие хомячки показались Лене симпатичными. Крысы жирные, не белые, а блекло-рыжие от старости, вызывали отвращение. Она ещё никогда не видела их так близко, но всегда боялась. Так же как боялась мышей и пауков.

Крысы сидели плотной живой массой, все забившись в один угол. Иногда внезапно возникала драка. Тогда разда-

вался нервный писк, от которого у Лены сводило скулы, как от лимона, но Лена не отходила от прилавка.

— Хомяков чем кормить? — спросила Лена у продавца.

— На клетке написано.

Тут куча крыс внезапно распалась. Посредине сидела очень изящная крыса, белая с чёрными пятнами. Короткий хвост её кровоточил, чёрные глаза казались грустными по сравнению с красными глазами альбиносов. Она была чужой и непохожей на других. Ей, видимо, доставалось, и когда какая-нибудь крыса подходила к ней близко, пегая поднимала лапки, топорщила усы и зажмуривала от страха глаза. Но принесли корм, и, толкаясь жирными боками, крысы кинулись к кормушке. Оставшись одна, пегая начала мыться. Но тут же сжалась вся и закрыла глаза. От кормушки возвращались белые.

— Я беру крысу в пятнышках! — торопливо закричала Лена. — Только скорее, а то они загрызут её. И заверните, пожалуйста.

Продавец расшвырял руками белую кучу, сунул пегую в бумажный пакет с дырками для воздуха. Лена нерешительно протянула к пакету руку и тут же отдернула.

— Так берёте или нет? — спросил продавец.

Лена взяла пакет. В пакете перебирали лапки, осторожно переминаясь и дрожа. Из дырочки вылезли усы, чёрные, пушистые и тонкие, как паутинки.

— Ну зачем она мне? — мучилась Лена. — Засмеют. Машка крыс не выносит. Конечно, крыса почти что белка, только хвост не пушистый. А так с виду приятная. Будто в кляксах. Так и назову её — Клякса.

Клякса высунула из пакета голову. Посмотрела Лене в глаза, обнюхала издали, трепеща усами. Лена слегка постучала Кляксе по голове, и тогда голова спряталась. Лена поудобнее зажала под мышкой плоский пакет с клеткой и пошла к автобусной остановке.

...Присесть было негде. Лена тоскливо и виновато посмотрела в зеркало на водителя. Руки заняты, денег не достать. Вдруг завизжала, рванулась с места и застряла между сиденьями какая-то женщина. Автобус остановился. К Лене подошёл шофёр.

— Я заплачу, — стала оправдываться она, — у меня руки заняты. Я обязательно бы взяла, не беспокойтесь...

— Это что? — шофёр указал пальцем на пакет.

Оказалось, что пакет порвался и Клякса висела, уцепившись за его край передними лапками. Она дрожала от напряжения, но Лена медлила и не решалась взять её голыми руками. Клякса шмякнулась на плечо визжавшей женщины. Та сразу замолчала, будто заснула, и только её высокая причёска часто-часто дрожала на макушке.

— Я не боюсь крыс, — сказала Лена, — не надо их бояться. В сущности, это те же белки, только хвост не пушистый.

Шофёр снял Кляксу с шёлкового плеча женщины, и та сразу же опять завизжала.

— Она не укусила вас? — забеспокоилась Лена.

Шофёр вынес Кляксу из кабины. Он посадил её в брезентовую рукавицу.

— Теперь не скоро прогрызёт, — улыбнулся он, — но вам придётся сойти. Сам-то я без предрассудков...

Лена выскочила на тротуар. Взволнованный автобус проехал мимо. Дома она ловко собрала клетку, сунула туда Кляксу и поставила клетку на шкаф...

Первые дни Клякса боялась и плохо ела. При каждом стуке в дверь она пряталась под свою подстилку. Лену это устраивало. Ей было стыдно перед подружками, что у неё живёт крыса. Когда её спрашивали, кто в клетке, она говорила, что хомячок.

Лена жила на первом этаже в старом доме, и дикие крысы по ночам начали грызть пол. Клякса волновалась, слушая их возню, носилась по клетке, опрокидывала миску. Лена гладила её пальцем по голове, стараясь успокоить.

— Ну куда же ты? Тебя же загрызут, ты такая маленькая...

Однажды среди ночи раздался грохот. Клетка свалилась со шкафа. Клякса испуганно глядела вниз. Как Клякса выбралась из неё и столкнула клетку на пол, Лена не знала. Она взяла Кляксу, вынесла её на кухню и стала запихивать в дыру под раковиной. Клякса упиралась всеми лапами, царапалась, пищала. Лена сдавила её лапы и затолкала в нору наполовину. Где-то на лестнице стукнули дверью, Клякса испугалась, вытянулась и скользнула в отверстие. Лена долго не могла уснуть, но успокаивала себя, что подвал придётся Кляксе по вкусу, ей там будет лучше.

Утром она выбросила изломанную клетку. Кляксина подстилка виднелась из-под шкафа.

Лена потянула её и вытащила вместе с сонной Кляксой. Лена и сама не ожидала, что так обрадуется.

— Крыска моя бедная, — бормотала она, — умница, сейчас молока подогрею. Прости меня, живоёрку несчастную...

Клякса зевнула, показав все четыре зуба и толстый розовый язык. Щуря на свету глаза, она долго потягивалась, прогибая спину и поднимая переднюю лапу с растопыренными пальцами. Лена принесла ей молока, и Клякса припала к нему, долго лакала, неудобно вытянув шею. Передохнув, она стала есть как всегда — зачерпывала молоко лапой и подносила ко рту, так ей было удобнее.

А Лене пора было идти на работу. Оставить Кляксу свободной она побоялась и посадила её между окон, сунув туда мисочку с молоком и кашей.

Только вернувшись, она вспомнила, что забыла бросить Кляксе её подстилку. Клякса сидела между окон взъерошенная и тяжело дышала. Лена представила, как страшно было ей сидеть на свету между стёклами, прислушиваясь к грохоту машин и хлопанью дверей, каким враждебным и грозным казался ей мир...

Лена взяла Кляксу на руки, совала ей печенье, ругала себя, она вливала Кляксе молоко ложкой, возилась с ней всю ночь, а утром сунула крысу в карман плаща и поехала с ней на работу. Она спрятала Кляксу в ящик своего стола, и крыса шуршала там чертежами. Лена так часто заглядывала в стол, что её сосед, чертёжник Карпов, спросил:

— Детектив? Дашь почитать?

— Нет.

Лена не пошла в этот день обедать, только попросила девочек, чтобы принесли пирожок. Она боялась за Кляксу. Боялась, что Карпов обнаружит её и побежит пугать девочек-чертёжниц, как пугал их однажды деревянной зелёной змеей.

Когда Лене принесли пирожок, она украдкой сунула кусочек в стол. Клякса благодарно потянулась к ней.

А дома ждала Машка. Она была длинная, загорелая, с белыми от солнца волосами.

— Мама, кто у нас живёт? Это кому молоко? Кошка, да? Я искала, искала...

— Принеси мне тапки, — попросила Лена.

Когда Машка обиженно ушла за тапками, Лена быстро вытащила Кляксу из-за пазухи и сунула её под кровать. Клякса прижалась к руке, хватаясь лапами за пальцы.

— Я её сначала подготовлю, ладно? — спросила Лена. Она уже давно верила, что Клякса понимает все её слова.

— Маша, — сказала она, когда дочь вернулась, — садись. Понимаешь, белок не было, и я купила другого зверька. Она не хуже. Такая ручная и вся в пятнышках. Почти белка, только хвост не пушистый...

Маша смотрела настороженно.

— Тебе она понравится, вот увидишь. Это крыса.

Маша взвизгнула и подобрала под себя ноги.

— Крыса! — закричала она. — Ты что, смеёшься? Я их ненавижу!

— Ты только взгляни на неё, — просила Лена, — она ласковая и меня любит. Ты только взгляни на неё.

— Я их боюсь, мама! Даже мёртвых боюсь.

Лена отвернулась, стараясь сдержать слёзы. Ей казалось, что Клякса прислушивается там, под кроватью.

— Хорошо, я её отдам. Только не кричи так.

Лена пошла на кухню, поставила на газ чайник, попила холодной воды и вернулась в комнату.

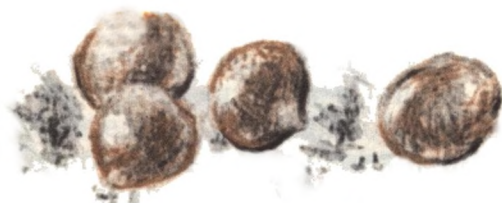
И тут Маша сказала:

— Ну ладно, не расстраивайся. Ты покажи мне её, только в своих руках и не отпускай. Ладно? Я постараюсь привыкнуть...

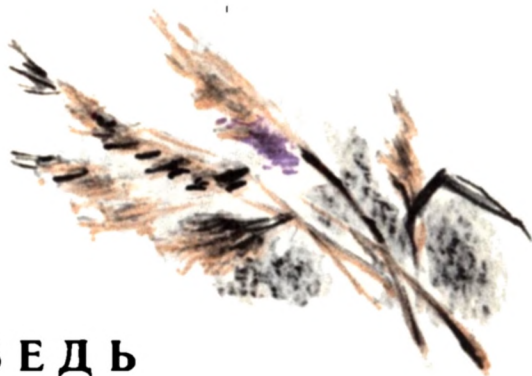
Лена торопливо полезла под кровать, шарил там среди коробок.

— Её зовут Клякса. Она очень милая. Ты увидишь сейчас...

Потом они искали вместе. Отодвигали диван, этажерку, расшвыривали старые журналы. Кляксы не было, и Лена поняла, что Клякса ушла и больше не вернётся.

МОЙ ЛЕБЕДЬ

Однажды к нам в зоопарк приехал лесник и привёз полумёртвого лебедя. Он рассказал, что возле его дома есть озеро. На нём останавливаются во время перелёта лебединые стаи. Одна такая стая отдыхала на озере. Лебеди плавали на чистой воде, защищённой камышами, и торопливо искали пищу, чтобы набраться сил и продолжать перелёт. Одна лебедиха совсем близко от поверхности воды увидела блеснувшую рыбку. Озеро было спокойно, и рыба стояла на месте, чуть шевелясь. Лебедиха опустила голову в воду и схватила рыбу. Это была блесна, отлично сделанная. Даже щука не отличила бы её от настоящей рыбы. Лебедиха билась на невидимой леске, взмахивая крыльями. Лебеди собрались в круг, волновались, изгибали шеи.

Только один лебедь плавал совсем близко от своей лебедихи. Он пытался успокоить её и говорил что-то, пригибая голову к воде. Он не мог понять, что держит лебедиху. Беда казалась таинственной и от этого ещё более страшной. Он только чуть отдалился, когда лесник, пробравшись сквозь камыши, подплыл на своей лодке к птице, попавшей в беду. Прямо в воде человек отсек ножом леску и втащил лебедиху в лодку. Он накрыл её брезентовым плащом, и она перестала бить крыльями. А лебедь плыл за лодкой, плыл совсем близко, встревоженный, озабоченный, не зная, как выручит свою подругу. Он проводил лодку до самых камышей и остановился.

Лесник хотел вытащить блесну из лебединого горла. Держать лебедиху было трудно, и он завернул её крепко в свой плащ. Над грубым брезентом моталась лебединая шея.

А лебедь в это время кружился над озером, кричал, звал. Он искал её в камышах. Он летал над домом лесника, устало махая крыльями. Лесник вставил в клюв лебедихи распорку-палочку, мягко обмотанную тряпкой, и запустил в птичий разинутый рот пальцы. Блесна застряла глубоко в горле. Помочь птице не удалось. Ночью она погибла.

Прошло несколько дней. Улетела стая. Лишь один лебедь плавал посреди озера. Он был один на всём опустевшем озере. Он всё ещё ждал свою лебедиху.

На рассвете лесник вышел из дому. Выпал снег. Лебединые следы натоптали тропинку вокруг дома.

Лесник поймал руками ослабевшую птицу и привёз к нам.

* * *

Лебедь трудно пережил зиму. Он лежал на дощатом полу, вытянув длинную шею и распластав крылья. Он даже не мог отворачивать голову от насильно кормивших его людей.

Мне очень жаль было птицу. Я выбирала самую свежую рыбу, смачивала её рыбьим жиром и, положив её в клюв, гладила лебединую шею, чтобы рыба ушла в желудок.

К весне лебедь поправился. Его выпустили в речку к другим птицам. Я назвала лебедя Гогой.

Все зоопарковские лебеди жили парами. Они сидели на гнёздах в ожидании потомства и были счастливы. Только Гога плавал один, опустив к воде маленькую голову на гибкой шее.

Я полюбила грустную птицу.

Как-то я принесла ему молодой, свежей травы. Он не спеша съел её, потом спокойно, будто делал это всегда, подошёл ко мне, взял край платья в клюв и замер. Я погладила его шелковистую голову, и он прикрыл глаза. А когда я пошла, лебедь плыл вдоль берега, трубил и словно бы кланялся мне. С тех пор мы стали друзьями.

Гога всегда ждал меня у калитки, смотрел, как я кормлю других птиц, нетерпеливо дёргал клювом за платье. Мне нравилось кормить его отдельно. Гога всегда делился со мной. Возьмёт булку в клюв, на меня смотрит: «Ешь тоже!» Мне смешно, а он шипит, что-то мне на лебедином языке говорит, только тихо очень. Наверное: «Ешь тоже и не уходи».

Иногда мы гуляли по дорожкам парка. Гога собирал мелкие камушки и проглатывал их. Птицам они нужны вместо зубов: пищу в желудке перетирать. Если подходили близко к клеткам с хищниками, Гога волновался: ершил перья, вставал передо мной — не пускал. Как отойдём на безопасное, в его понимании, расстояние, он поворачивался к хищникам и ругался. Шею вытянет, шипит: мол, такие-сякие, вредные, кровожадные. Покричит, крыльями похлопает, а потом на меня строго посмотрит: «Не рискуй зря, глупая».

Относился он ко мне трогательно, как к птенцу. Нащиплет травы мелко, словно ножом нарежет. К ногам моим положит. Пока я эту траву не спрячу за спину, будто съела, он ни травинки не проглотит. А потом совсем пастись перестал. Я траву спрячу, а он всё равно не ест. Камней наберёт, передо мной разложит. Смотрит на меня внимательно, трубит, волнуется. И я догадалась. Это раньше он обучал меня, а теперь, по его расчетам, я сама должна пищу добывать.

Как-то мимо нас с Гогой пробежал лисёнок, удравший из клетки. Он шмыгнул в кусты и затаился. Я бросилась за ним в надежде поймать. Но куда там! Лисёнок только хвостом махнул, удирая в глубь парка. Я смотрела ему вслед, услышав странные звуки, оглянулась — ко мне неуклюже бежал Гога. Он раскинул крылья. Одним крылом закрыл мои ноги, а вторым ударил по кустам. Он бил их долго и успокоился только

когда на кусте почти не осталось листьев и стало видно, что лисёнка там уже нет. Я присела перед Гогой на корточки. Он долго приходил в себя. Тяжело дышал и вздрагивал. Потом затаил и стал перебирать мои волосы клювом.

Но скоро мне пришлось на год уехать из города. Я часто вспоминала Гого, скучала. Вернувшись, сразу же поехала в зоопарк. Было воскресенье. Вместе с сотрудницей зоопарка — моей подругой — мы, разговаривая, шли вдоль изгороди лебединой речки. Невозможно было пробиться сквозь стену посетителей, чтобы увидеть Гого. Дойдя до тупика, мы услышали лай и рычание собаки. Она кого-то терзала. Закричала женщина — я разобрала слово «лебедь». Мы с трудом пробрались сквозь толпу. Собака, привязанная к забору, трепала лебедя. Мы с подругой оттащили её, и я перенесла тяжёлую птицу на безопасное место.

Лебедь, истерзанный, ошипанный до безобразия, почти не был ранен. Он скоро пришёл в себя. И вдруг стал радостно трубить и кланяться, рассказывая мне, как он здесь жил и скучал. Страшный, ободранный, он говорил, говорил свои лебединые слова.

— Это он к вам бежал вдоль решётки? — спросил кто-то в толпе.

Я не ответила. Я слушала, что рассказывал мне Гога.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Елена Крутовская. ФИТЪКА</i>	3
<i>Илья Дворкин. ЛОСЬ</i>	13
<i>Антонин Попов. ВЕРНЫЙ АИСТ</i>	23
<i>Наталья Крудова. КЛЯКСА</i>	35
<i>МОЙ ЛЕБЕДЬ</i>	43

В 31 **Верный аист:** Рассказы о животных/Рис. В. Черноглазова. –
Л.: Дет. лит., 1991. — 48 с., ил.
ISBN 5—08—000051—1

В книгу вошли рассказы о том, как живётся животным рядом с человеком.

В $\frac{4803010201-130}{M101(03)-91}$ 179—91

Р 2

Larisa_F

